

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ПИТЕР ДЖЕЙМС

УМЕРЕТЬ ДЛЯ КОЛЛЕКЦИИ

Истории о Рое Грейсе
почти всегда занимают
верхние строчки
в списках бестселлеров.

Daily Mail

18+

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Питер Джеймс
Умереть для коллекции
Серия «Детектив Рой Грейс», книга 4
Серия «Звезды мирового детектива»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74476841

Умереть для коллекции: СПб; 2026

ISBN 978-5-389-34819-6

Аннотация

Питер Джеймс – писатель-криминалист, автор бестселлеров по версии «The New York Times», а также 21 бестселлера № 1 по версии британской «The Sunday Times». Особенно успешной можно назвать серию романов о Рое Грейсе – это любимый детектив королевы Камиллы. В 2021 году на ITV стартовал британский сериал «Грейс», снятый по мотивам книг Джеймса (заявлено 6 сезонов).

Как выпутаться из долгов и начать жизнь с чистого листа? Неудачливый бизнесмен из Брайтона, торговец редкими почтовыми марками Ронни Уилсон решает «соскочить со счетчика» в нью-йоркском хаосе 11 сентября 2001 года. Эта уловка запускает цепь жутких событий на разных континентах. Через шесть лет в брайтонском водостоке находят скелет женщины с признаками насильственной смерти, что заставляет прибывшего на место преступления суперинтенданта Роя

Грейса терзаться вопросом: а вдруг это его пропавшая жена? Тем временем в австралийском штате Виктория со дна реки поднимают автомобиль с трупом в багажнике, и следы преступления также ведут в Брайтон. Когда в деле всплывает коллекция марок баснословной стоимости, части головоломки начинают складываться в шокирующую картину, но Грейс вынужден отвлечься от дедукции и бросить все силы своей команды на спасение симпатичной обладательницы раритетных марок, которой убийца расставил жестокую ловушку...

Роман выходит в новом переводе.

Содержание

1	6
2	14
3	24
4	29
5	33
6	45
7	49
8	55
9	63
10	67
11	70
12	74
13	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Питер Джеймс

Умереть для коллекции

Посвящается Дэйву Гейлору

Некоторые события, описанные в этой книге, происходят в те дни, когда случился страшный террористический акт 11 сентября 2001 года. Хочу почтить память погибших и выразить глубочайшие соболезнования всем, кто потерял тогда своих близких.

Peter James

DEAD MAN'S FOOTSTEPS

Copyright © Really Scary Books/Peter James, 2008

All rights reserved

© В. Г. Яковлева, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

1

Если бы Ронни Уилсон, проснувшись, знал, что всего через два часа может умереть, он спланировал бы свой день как-то иначе.

Прежде всего, он вряд ли стал бы заморачиваться с бри-
тьем. Или не потратил бы драгоценные минуты на то, чтобы
нанести на волосы гель, а потом не возился бы с их укладкой,
чтобы получить удовлетворительный результат. И туфли он
наверняка не стал бы так тщательно чистить, и не утруждал
бы себя тем, чтобы идеально завязать узел дорогого шелко-
вого галстука. И уж точно не выложил бы грабительские во-
семнадцать долларов – чего на самом деле не мог себе поз-
волить – за глажку костюма в течение часа.

Сказать, что он пребывал в блаженном неведении об ожи-
дающей его судьбе, было бы преувеличением. Из его спис-
ка эмоций уже давно исчезли все мыслимые виды радости, и
теперь он понятия не имел, что такое *блаженство*. Блажен-
ства он не испытывал даже в последние моменты оргазма в
тех редких случаях, когда они с Лоррейн все еще предава-
лись утехам любви. Казалось, его яйца онемели, как и все
остальное в нем.

Более того, в последнее время, и это несколько смущало
Лоррейн, когда его спрашивали, как у него дела, он обычно
пожимал плечами и отвечал: «Это не жизнь, а дерьмо соба-

чье».

Номер в отеле тоже был дерьмовый. Такой маленький, что в нем шагу негде ступить. В отеле «Дабл'ю» он снял самый дешевый номер, зато это поднимало его престиж. Если ты остановился в отеле «Дабл'ю», да еще расположенном в Манхэттене, значит что-то собой представляешь. Даже если спишь здесь в какой-то кладовке.

Ронни понимал, что ему просто необходимо придать себе более позитивный образ, да и настроение тоже поднять. Люди всегда реагируют на твой эмоциональный настрой, особенно когда приходишь просить у них денег. Неудачнику никто не даст денег, даже старый друг, и даже тот минимум, который ему сейчас позарез нужен. А уж этот старый друг не даст наверняка.

Желая узнать, какая сегодня погода, Ронни высунул голову в окно и, вытянув шею, повернул лицо кверху, пробежал взглядом по отвесной серой стене здания напротив, с другой стороны Тридцать девятой улицы, пока не увидел узенькую полоску синего неба. Понял, что утро нынче прекрасное, хотя и эта мысль не порадовала его. У него было такое чувство, будто все облака перекочевали из голубой пустоты в его сердце.

Поддельные часы «Булгари» показывали 7:43. Он купил их в Интернете за сорок фунтов, но, послушайте, кто скажет, что они не настоящие? Ронни уже давно усвоил, что дорогие часы внушают человеку, на которого ты хочешь произ-

вести впечатление, очень важную мысль: если ты так дорожишь временем, что покупаешь себе одни из лучших часов в мире, значит вполне возможно, так же станешь дорожить и деньгами, которые он собирается тебе доверить. Внешний вид – это, конечно, еще далеко не все, но он имеет огромное значение.

Итак, сейчас 7:43. Самое время двигать.

Он подхватил дипломат «Луи Вюиттон» – тоже подделка, конечно, – поместил его сверху на уже собранный небольшой чемодан на колесиках и, покотив его за собой, вышел из номера. На лифте спустился на первый этаж и, стараясь не обращать на себя внимания, прошел мимо стойки дежурного администратора. На кредитных картах было так мало денег, что, наверное, даже не хватит на оплату счета за номер, но об этом он будет беспокоиться позднее. Его «БМВ» – шикарный кабриолет синего цвета, на котором так любила разъезжать Лоррейн, выпендриваясь перед своими подругами, – скоро отберут за долги, а ипотечный банк собирался лишить его права выкупа дома. Сегодняшняя встреча, мрачно размышлял он, это для него последняя спасительная соломинка. Последняя надежда. Обещание, о котором он собирался напомнить. Обещание, данное ему десять лет назад.

Он очень надеялся на то, что оно не забыто.

Сидя в вагоне подземки, бережно поместив свое имущество между коленями, Ронни прекрасно понимал, что в его жизни что-то пошло не так, но никак не мог уяснить себе, что же именно. Многие из тех, с кем он учился в школе, достигли больших успехов на том поприще, которое они выбрали в жизни, оставив его, все больше впадающего в отчаяние, барахтаться где-то далеко позади. Они стали финансовыми консультантами, предпринимателями в области строительства индивидуальных домов, бухгалтерами, адвокатами. Все давно уже имели шикарные дома, обзавелись статусными женами и поистине обалденными детишками. А что у него?

Неврастеничка Лоррейн, тратившая деньги, которых у него не было, на бесконечные косметические процедуры — если честно, абсолютно ей ненужные; на дизайнерские тряпки, которые были им не по карману; на оплату безумно дорогих обедов из листьев салата и минеральной воды со своими страдающими анорексией подругами, которые были гораздо богаче, в самых модных на той или иной неделе ресторанах... И несмотря на целое состояние, потраченное на лечение от бесплодия, она так и не смогла зачать ребенка, которого он столь отчаянно хотел. Единственная статья расхода, к которой он отнесся весьма одобрительно, была опера-

ция по увеличению ее груди.

Но Ронни был слишком горд, чтобы признаться Лоррейн, в какую беду попал. Будучи оптимистом, он всегда верил, что выход из любой ситуации где-то совсем близко. Хамелеон по натуре, он всегда умел легко подделываться под окружающую среду. Как человек, занимавшийся продажей подержанных автомобилей, затем торговец антиквариатом и агент по недвижимости, он всегда выглядел уверенным в себе и открытым, обладал незаурядным даром о чем угодно поболтать, который, к сожалению, значительно превосходил его финансовую хватку. Когда его связанный с недвижимостью бизнес накрылся медным тазом, он быстро переключился на строительный, где даже в джинсах и блейзере выглядел весьма убедительно. Потом, когда за просроченные долги банки лишили его права на строительство двадцати домов, которое натолкнулось на непреодолимые трудности из-за возникших проблем в планировке, он еще раз нашел себя в новом деле, в качестве финансового консультанта для богатых людей. Но и этот бизнес у него тоже что-то не заладился.

Теперь он очень надеялся убедить своего старого друга Дональда Хэткука в том, что знает секрет, как делать деньги, и что нашел очередную золотую жилу – биологическое топливо. По слухам, Дональд заработал свыше миллиарда на вторичных ценных бумагах – не важно каких, – а потерял всего лишь какую-то несчастную пару сотен тысяч, десять

лет назад вложив их в тонущий бизнес недвижимости Ронни. И вот тогда он заявил, что принимает все предоставленные другом доводы о причинах, из-за которых его предприятие рухнуло, и заверил Ронни, что когда-нибудь снова его непременно поддержит.

Конечно, Билл Гейтс, как, впрочем, и все другие предприниматели нашей планеты, давно искали пути дальнейшего развития безвредного для окружающей среды биотоплива, и у них были деньги для того, чтобы вкладывать их в осуществление этого проекта, но и Ронни рассчитывал на то, что нащупает здесь свою нишу. Нынче утром ему нужно всего лишь убедить в этом Дональда. Дональд – человек проницательный, он это сразу поймет. Сразу увидит, что к чему. Это будет, как говорят в Нью-Йорке, верняк.

По правде сказать, чем ближе поезд подъезжал к центру города, тем более Ронни, мысленно повторяя свою речь перед Дональдом, становился уверен в успехе. Ему уже казалось, что он превращается в Гордона Гекко, которого сыграл Майкл Дуглас в фильме «Уолл-стрит». Да и выглядел он вполне соответствующе. Не отличить от дюжины других с иголки одетых игроков Уолл-стрит, сидящих с ним в этом покачивающемся вагоне. Если кто-то из них и переживает хотя бы половину его неприятностей, то хорошо их скрывает. Все держатся чертовски уверенно. И если бы они удосужились взглянуть на него, то увидели бы перед собой мужчину высокого роста, приятной наружности, подтянутого и

стройного, волосы зачесаны назад, и держится он не менее уверенно.

Говорят, если ты к сорока годам не добился успеха, значит больше уже никогда не добьешься. Через три недели ему исполнится сорок три.

На следующей ему выходить. Станция «Чеймберс-стрит». Последние несколько кварталов Ронни хотелось пройти пешком.

Он вышел в погожее манхэттенское утро и сверился с картой, которую накануне вечером дал ему консьерж отеля. Посмотрел на часы – 8:10. Исходя из прошлого опыта блужданий по офисным зданиям Нью-Йорка, Ронни прикинул, что должен выделить пятнадцать минут на поиски офиса Дональда, когда доберется до здания, где этот офис расположен. А как растолковал ему консьерж, это всего в пяти минутах ходьбы отсюда – при условии, конечно, что он не заблудится.

Сверившись с уличным указателем, сообщившим, что он действительно находится на Уолл-стрит, Ронни проследовал дальше, мимо бара «Джамба джус» с правой стороны, а также мимо ателье, предлагавшего «искусный пошив и подгонку одежды», и вошел в переполненный ресторан «Даунтаун дели».

Здесь пахло только что сваренным кофе и яичницей. Он сел на красный кожаный барный табурет и заказал свежесжатый апельсиновый сок, кофе латте и яичницу-болтунью с

беконом и пшеничными тостами. В ожидании еды еще раз пролистал бизнес-план, а затем, взглянув на часы, мысленно прикинул разницу во времени между Нью-Йорком и Брайтоном.

В Англии сейчас на пять часов позже. У Лоррейн уже, должно быть, ланч. Ронни быстренько позвонил ей на мобильник и сказал, что любит ее. Она пожелала ему удачи на грядущей встрече. Женщинам легко угодить, достаточно время от времени ворковать им на ушко какие-нибудь нежности. Неплохо работают и стишки или парочка дорогих с виду украшений – только не слишком часто, чтобы не избаловать.

Через двадцать минут, когда Ронни уже оплачивал счет, откуда-то издалека до его слуха донесся звук мощного взрыва.

– Господи, что это было? – проговорил человек, сидящий на табурете рядом с ним.

Ронни собрал сдачу, оставил приличные чаевые и вышел на улицу, чтобы продолжить свой путь к офису Дональда Хэткука, который, согласно полученной по электронной почте информации, находился на восемьдесят седьмом этаже Южной башни Всемирного торгового центра.

Было 8:47, вторник, 11 сентября 2001 года.

Октябрь 2007 года

Эбби Доусон выбрала эту квартиру, потому что чувствовала себя в ней в безопасности. По крайней мере, настолько, насколько она вообще могла чувствовать себя в безопасности где-либо в данный момент.

Кроме пожарной лестницы, дверь которой открывалась лишь изнутри, и пожарного выхода из подвала, в дом можно было попасть только через парадный вход. Он находился прямо под ней на восемь этажей ниже, а из ее окон открывался прекрасный вид на улицу.

Она превратила эту квартиру в настоящую крепость. Усиленные дверные петли, стальная обшивка, по три замка с засовами на входной двери и на двери пожарной лестницы в задней части крошечной подсобки, а также двойные дверные цепочки. Любой грабитель, попытавшийся проникнуть к ней, уйдет несолоно хлебавши. Ни один человек без ее приглашения к ней не войдет, разве что только на танке.

Но на всякий случай у нее под рукой всегда имелись баллончик с перцовым аэрозолем, охотничий нож и бейсбольная бита.

По иронии судьбы, подумала Эбби, впервые в жизни она смогла позволить себе достаточно большое и роскошное жилье, в котором можно было бы принимать гостей, и вот на

тебе: вынуждена жить одна, скрываясь от всех.

А ведь здесь у нее так много всяких приятных удобств. Дубовый пол, огромные кремовые диваны с белыми и шоколадного цвета подушками, модная современная живопись на стенах, домашний кинотеатр и высокотехнологичная кухня, массивные, потрясающе удобные кровати, в ванной комнате полы с подогревом и шикарная душевая для гостей, которой она сама даже не пользовалась, по крайней мере по ее *прямому назначению*.

Словом, именно о такой она мечтала, разглядывая когда-то давно дизайнерские квартиры в глянцевах журналах. В погожие дни послеполуденное солнце заливало квартиру, а в ветреные, как сегодня, в открытое окно врвался соленый запах моря и слышались крики чаек. Всего в паре сотен ярдов от конца улицы, там, где она пересекала оживленную набережную Мэрин-Пэрейд в Кемптауне, находился пляж. По нему было так приятно гулять, можно было идти и идти, забывая о времени. Пляж тянулся на многие мили как на запад, так и на восток вдоль скал, мимо пристани для яхт.

И сам район ей тоже очень нравился. Совсем рядом небольшие магазинчики, куда ходить гораздо безопаснее, чем в крупный супермаркет, потому что всегда можно проверить, кто вошел. Все это из-за одного человека.

Всего одного.

Единственным минусом в доме был лифт. Эбби, страдавшая клаустрофобией и в лучшие времена, а в последнее вре-

мя еще больше подверженная приступам паники, никогда не любила ездить в лифте одна, разве что в случае крайней необходимости. А здесь эта трясущаяся капсула размером с вертикальный двухместный гроб в последний месяц уже пару раз застревала (к счастью, когда там ехал кто-то другой) и была одним из худших испытаний, с которыми Эбби доводилось сталкиваться.

Обычно, исключая последние две недели, когда рабочие, ремонтировавшие квартиру этажом ниже, превратили лестницу в полосу препятствий, Эбби пользовалась лестницей. Хорошая физическая нагрузка, а если у нее были тяжелые сумки с покупками, то она отправляла их на лифте – это оказалось довольно просто, – а сама поднималась по лестнице. Изредка, когда она встречала кого-нибудь из соседей, то ехала с ними на лифте. Но большинство соседей были настолько старые, что на улицу почти не выходили. Некоторые, наверное, были ровесниками этого дома.

Несколько молодых жильцов, вроде Хасана, улыбочивого иранца-банкира, жившего двумя этажами ниже и иногда устраивавшего у себя вечеринки до утра, от приглашений на которые она всегда вежливо отказывалась, как правило, большую часть времени проводили где-то в другом месте. А по выходным, если и Хасана не было дома, то во всем западном крыле стояла такая тишина, что казалось, будто в нем обитают одни призраки.

В каком-то смысле Эбби тоже была призраком и прекрас-

но это понимала. Она покидала безопасное убежище только с наступлением темноты; ее некогда длинные светлые волосы были коротко подстрижены и выкрашены в черный цвет, глаза скрыты за солнцезащитными очками, воротник куртки поднят. Чужая в городе, где она родилась и выросла, где была студенткой бизнес-школы, подрабатывала в барах или временно секретаршей, встречалась с парнями и до того, как ее охватила тяга к странствиям, даже мечтала о том, чтобы завести семью...

И вот теперь она воротилась из странствий. И скрывается. Чужая в собственной жизни. Принимает отчаянные усилия, чтобы ее никто не узнал. Всегда отворачивается, когда порой замечает знакомого. Увидит прежнюю подругу в баре и тут же уходит. Черт возьми, как же она одинока!

И ей очень страшно.

Даже родная мать не знает, что дочь вернулась в Англию.

Три дня назад Эбби исполнилось двадцать семь, и что это был за день рождения, иронически усмехнулась она: в одиночестве прикончила бутылку «Моэт и Шандон», по каналу «Скай» посмотрела эротический фильм, поиграла вибратором с севшей батареей.

Раньше она так гордилась своей естественной красотой. Уверенная в себе, она могла пойти в любой бар, на любую дискотеку, на любую вечеринку и всегда блистала. Умела болтать, очаровывать и изображать беззащитную девушку, а это, как она давно поняла, нравилось мужчинам. Но теперь

она чувствует себя незащищенной по-настоящему, и ей это очень не нравится.

Не нравится прятаться.

Даже если это и не навсегда.

На полках, на столах и даже на полу валялись книги, CD и DVD, заказанные на Amazon и Play.com. За последние два месяца Эбби прочитала книг и посмотрела фильмов больше, чем за всю свою прежнюю жизнь. А остальное время она тратила на изучение испанского языка онлайн.

Она вернулась сюда, так как думала, что здесь будет безопаснее. И Дэйв с ней согласился. Да, это единственное место, куда *он* не посмеет сунуть свой нос. Другого такого места на земле нет. Но и в этом она не была полностью уверена.

К тому же имелась еще одна причина для приезда в Брайтон – очень важная часть ее планов. Состояние ее матери постепенно ухудшалось, и необходимо было как можно скорее подыскать для нее хороший частный дом престарелых, где оставшиеся ей годы она могла бы жить полноценной жизнью. Эбби претила мысль, что ее мать окажется в одном из этих ужасных гериатрических отделений Национальной службы здравоохранения страны. Эбби уже нашла прекрасный дом в сельской местности неподалеку. Дороговато, конечно, но теперь она могла позволить себе содержать там мать долгие годы. А пока нужно лечь на дно и на какое-то время затаиться.

Ее телефон неожиданно запищал: пришло сообщение. Она посмотрела на экран и, увидев, от кого оно, улыбнулась.

Эти эсэмэски, которые она получала раз в несколько дней, – единственное, что помогало ей как-то держаться.

Разлука ослабляет легкое увлечение, но усиливает большую страсть, подобно тому как ветер гасит свечу, но раздувает пожар¹.

На минутку Эбби задумалась. У нее теперь была куча свободного времени, позволяющая часами сидеть в Интернете, не чувствуя себя виноватой. Она обожала коллекционировать цитаты великих людей и тут же отправила в ответ одну из них.

Любить – это не значит смотреть друг на друга.
Любить – значит вместе смотреть в одну сторону².

Впервые в жизни она встретила мужчину, который смотрел в ту же сторону, что и она. Сейчас это было просто название на карте. Изображения, скачанные из Интернета. Место, которое она посещала в своих мечтах. Но скоро они вдвоем отправятся туда в реальности. Надо только набраться терпения. Им обоим это необходимо.

Эбби закрыла последний выпуск журнала, в котором хотела найти дом своей мечты, затушила сигарету, допила бокал совиньона и стала готовиться к предстоящему выходу из дома.

¹ Франсуа де Ларошфуко. Максимы и моральные размышления. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Антуан де Сент-Экзюпери. Земля людей.

Сначала она подошла к окну и сквозь жалюзи глянула вниз на длинные ряды домов эпохи Регентства. Натриевый свет уличных фонарей окрашивал каждую тень в оранжевый цвет. Было уже довольно темно, а порывы завывающего осеннего ветра били дождем по оконным стеклам, словно карточью. В детстве она боялась темноты. Теперь же, как ни странно, в темноте она чувствовала себя в безопасности.

Она знала машины местных жителей, регулярно ставивших их здесь по обеим сторонам, с разрешением на парковку на лобовом стекле. Пробежала взглядом по каждой из них. Раньше Эбби не могла отличить одну марку машины от другой, но теперь знает все. Грязный, заляпанный птичьим пометом черный «Фольксваген-Гольф GTI». «Форд-галакси» супружеской пары из дома напротив, у которой двое ужасных близнецов и которая, казалось, вечно таскает вверх и вниз по лестнице складные детские коляски и тяжелые сумки с продуктами. Странного вида маленькая «тойота-ярис». Старый «порше-бокстерс», принадлежащий молодому человеку, видимо врачу из близлежащей Королевской больницы графства Суссекс. Ржавый белый фургон «рено» со спущенными шинами и приклеенным к окну пассажирской дверцы объявлением о продаже, написанным красными чернилами на полоске коричневого картона. И еще дюжина или около того автомобилей, владельцев которых она знает в лицо. Ничего нового, не о чем беспокоиться. Никто не прячется в тени.

Мимо машин, держась за руки, куда-то спешит пара с надувшимся и грозящим в любой момент вывернуться наизнанку зонтом.

Проверить оконные замки в своей спальне, в гостевой, в ванной, в гостиной/столовой. Включить в каждой комнате таймеры на освещение, телевизор и радио. Протянуть через всю прихожую, прямо перед входной дверью нитку на уровне колена.

Паранойя? У меня? Еще бы не паранойя!

В узкой прихожей Эбби сняла с вешалки длинный макинтош и зонтик, перешагнула через нитку и заглянула в дверной глазок. Увидела освещенную тускло-желтым светом пустую лестничную площадку.

Отстегнув цепочки, она осторожно открыла дверь и вышла, сразу же почуяв запах пиленой древесины. Захлопнула дверь и закрыла ее на три замка.

Замерла на месте, прислушалась. Где-то внизу в квартире звонил телефон, но никто не отвечал. После нескольких лет жизни под жарким солнцем, все еще не привыкшая к сырости и холоду, Эбби дрожала, кутаясь в макинтош с флисовой подкладкой. Впрочем, и вечер пятницы проводить в одиночестве она тоже еще не привыкла.

Сегодня вечером она планировала посмотреть фильм «Искупление» в кинотеатре неподалеку от пристани, потом что-нибудь съесть, может быть пасту, а если хватит смелости, заглянуть в бар и выпить пару бокалов вина. Так она, по

крайней мере, получит хотя бы какое-то удовольствие, побывав на людях.

Оделась она довольно скромно: дизайнерские джинсы, высокие ботинки, под макинтошем – черная вязаная водолазка. Эбби хотелось выглядеть более или менее прилично, но не слишком привлекать к себе внимание, если она все-таки отважится пойти в бар. Открыв дверь на пожарную лестницу, Эбби с ужасом увидела, что на выходные рабочие заблокировали ее кусками гипсокартона и штабелями досок.

Мысленно проклиная их, она раздумывала, стоит ли пробираться через эти завалы, но потом нажала на кнопку лифта и уставилась на исцарапанные металлические двери. Через несколько секунд послышался лязг послушно, с рывками и толчками поднимающегося вверх лифта. Наконец кабина с грохотом достигла ее этажа. Издав звук, похожий на скрежет лопаты, разравнивающей гравий, лифт открылся.

Эбби шагнула внутрь, и двери за ее спиной с тем же звуком закрылись. Эбби вдохнула запах чужих духов и чистящего средства с лимонной отдушкой. Лифт рывком поднялся на несколько дюймов вверх, причем так резко, что она едва удержалась на ногах.

Теперь, когда выходить было слишком поздно, когда металлические стены со всех сторон давят на нее, а маленькое мутное зеркало отражает зарождающуюся панику на почти невидимом лице, кабина лифта резко рванула вниз.

И тогда Эбби начала понимать, что совершила ужасную

ошибку.

Октябрь 2007 года

Сидя за столом у себя в кабинете, детектив-суперинтендант Рой Грейс положил телефонную трубку, откинулся на спинку кресла, сложил руки на груди и наклонил кресло так, чтобы его спинка уперлась в стену. «Вот зараза!» – подумал он. Сегодня, в пятницу, без четверти пять вечера его выходные смылись в канализацию, причем более или менее буквально. Во всяком случае, в какой-то там ливневый сток, это точно.

А тут еще вдобавок в карты продулся. Каждую неделю они с ребятами режутся в покер, и прошлым вечером он проиграл почти триста фунтов.

Ничто не способно так испортить настроение, как мысль о том, что в промозглую пятницу днем придется отправиться в поход по ливневой канализации, думал он. Сквозь плохо подогнанные оконные рамы его маленького кабинета задувал ледяной ветер и слышался шум дождя. Ей-богу, сегодня не тот день, чтобы выходить на улицу.

Рой проклинал оператора диспетчерской службы, сообщившего ему новость. Но это все равно что казнить гонца, принесшего дурную весть. Грейс планировал провести завтрашний вечер в Лондоне с Клио, чтобы побаловать ее. Из-за дела, которое – он нутром чуял – ему не понравится, те-

перь все придется отменить, и только потому, что он сдуру согласился подменить заболевшего коллегу на посту дежурного старшего следователя.

В своей работе Рою больше всего нравилось расследовать убийства. В Суссексе их совершалось от пятнадцати до двадцати в год, причем большинство в Брайтон-энд-Хове и окрестностях – более чем достаточно, чтобы старшие следователи крутились как белка в колесе, демонстрируя, на что они способны. Грейс понимал, что так думать несколько цинично, однако факт остается фактом: успешное расследование жестокого и громкого убийства – это прекрасная возможность для карьерного роста. Тебя замечают пресса и общественность, коллеги и, самое главное, начальство. Успешный арест и обвинительный приговор приносили глубочайшее удовлетворение. Это было не просто хорошо выполненной работой – это давало семье жертвы обрести душевный покой, возможность двигаться дальше, что для Грейса имело самое большое значение.

Ему нравилось расследовать убийства по горячим, свежим следам, где он мог действовать на пределе возможностей, подстегиваемый адреналином, импровизировать и мгновенно принимать решения, подгонять подчиненных, заставляя их работать двадцать четыре часа в сутки, и иметь хорошие шансы быстро поймать преступника.

Но, судя по докладу оператора, находка в ливневой канализации указывала на что угодно, только не на свежее убий-

ство. Останки скелета. Может, это и не убийство вовсе, а самоубийство или даже естественная смерть. Существовала малая вероятность того, что это манекен из витрины магазина, подобное уже случалось. Такие останки могут пролежать там десятилетия, и еще пара дней ничего бы не изменила.

Чувствуя вину за внезапную вспышку злости, Грейс бросил взгляд на двадцать синих коробок, сложенных стопками и занимающих большую часть коврового покрытия в его кабинете, если не считать маленького круглого стола и четырех стульев для совещаний.

В каждой коробке лежали папки с материалами по нераскрытым убийствам, другими словами, по «виснякам». Остальными папками с делами были забиты шкафы в других местах штаб-квартиры Главного управления уголовного розыска, или же они валялись и потихоньку плесневели, закрытые в сыром гараже полицейского участка того района, где произошло убийство, либо в каком-нибудь забытом подвале вместе с вещественными доказательствами, рассованными по опечатанным мешкам с бирками.

И у Грейса было стойкое, рожденное почти двадцатилетним опытом расследования убийств чувство: все то, что ожидает его сейчас в ливневой канализации, скорее всего, приведет к появлению на полу его кабинета еще одной синей коробки.

В данный момент он был так завален бумажной работой, что на столе не было ни одного свободного, не погребенно-

го под кучей документов квадратного дюйма. Ему надо было разобраться с хронологией событий, с уликами, заявлениями и со всем остальным, что требовалось Королевской прокурорской службе для двух отдельных судебных процессов по делам об убийствах в следующем году. Фигурантом одного из них был негодяй Карл Веннер, торгующий в Интернете компроматом, а другого – психопат Норман Джекс.

Просматривая документы, подготовленные молодой сотрудницей Эмили Гейлор из отдела судебных разбирательств Брайтона, Рой снял трубку и набрал номер плюс добавочный, испытывая легкое удовлетворение от мысли, что сейчас еще кое-кому испортит выходные.

Ему ответили почти мгновенно:

- Детектив-сержант Брэнсон, слушаю.
- Чем в данный момент занимаешься?
- Собираюсь домой, старина. Спасибо, что поинтересовался, – ответил Гленн Брэнсон.
- Ответ неправильный.
- Нет, ответ правильный, – возразил сержант. – У Ари сегодня урок выездки, а я должен присмотреть за детьми.
- Выездки? Это еще что такое?
- На лошади будет кататься, за тридцать фунтов в час.
- Придется ей взять детишек с собой. Через пять минут жду тебя на парковке. Поедем осматривать труп.
- Лично я предпочел бы поехать домой.
- Я тоже. И труп, думаю, тоже предпочел бы сидеть сей-

час дома перед телевизором с чашкой чая, а не разлагаться в ливневой канализации.

Октябрь 2007 года

Через несколько секунд кабина лифта снова дернулась и резко остановилась, раскачиваясь из стороны в сторону и ударяясь о стены с таким гулом, будто в шахте сталкивались две пустые бочки из-под нефтепродуктов, потом резко наклонилась вперед, отбросив Эбби к дверям.

Почти сразу же лифт снова рванул вниз. Эбби взвизгнула. На долю секунды пол кабины ушел из-под ног, оставив ее в невесомости. Затем раздался оглушительный грохот, и пол подскочил, ударив Эбби по ногам с такой силой, что из нее вышибло дух, а ноги, казалось, вогнулись в шею.

Кабина завертелась, отшвырнула Эбби, словно беспомощную куклу, к висящему на задней стенке зеркалу, снова дернулась и наконец застыла почти неподвижно, лишь слегка покачиваясь, а пол ходил у нее под ногами, как у пьяной.

– Господи! – прошептала Эбби.

Лампочки на потолке кабины замигали, погасли, снова загорелись. Едко пахло сгоревшей изоляцией электрических проводов. Эбби увидела, как мимо нее неторопливо проплыла тоненькая струйка дыма.

Сдерживая очередной крик, она затаила дыхание. Ей казалось, что эта проклятая кабина держится на одной очень тонкой нити, которая в любой момент может оборваться.

Вдруг где-то наверху раздался душераздирающий скрежет. Казалось, где-то там рвется металл. В диком ужасе Эбби вскинула глаза. В лифтах она понимала не слишком много, но впечатление было такое, будто что-то там от чего-то отрывается. В разыгравшемся воображении она представила себе, как обрывается дужка, за которую на крыше крепится трос.

Лифт еще на пару дюймов дернулся вниз.

Эбби снова взвизгнула.

Потом еще на пару дюймов рывок вниз, и угол наклона пола кабины стал еще круче.

С громким металлическим скрежетом кабина лифта накренилась влево, потом просела. Над головой Эбби раздался резкий треск, словно там что-то сломалось.

Кабина просела еще на несколько дюймов.

Пытаясь удержать равновесие, Эбби сменила положение, но не удержалась и упала, ударившись плечом о стенку, а потом еще и головой о двери. Не смея пошевелиться и глядя на потолок кабины, Эбби какое-то время лежала неподвижно; ее ноздри наполнила поднявшаяся с коврика пыль.

По центру крыши кабины была вмонтирована панель из непрозрачного стекла, по обеим сторонам которой располагались светящиеся полосы. Эбби понимала, что нужно как можно скорее выбираться отсюда. В кино она видела, что в крышах лифтовых кабинок всегда имеются люки. Но здесь никакого люка не было. Почему?

Зато совсем рядом имелась кнопочная панель. Чтобы дотянуться до нее, Эбби попыталась встать на колени, но лифт вдруг стал раскачиваться, да так дико, что снова ударялся о стенки шахты, будто и в самом деле держался на одной нити, и Эбби замерла, опасаясь, что даже одно лишнее движение может эту нить оборвать.

Какое-то время она лежала неподвижно, от невыносимого слепого ужаса часто дышала и чутко прислушивалась, не раздастся ли звуки спешащей к ней помощи.

Но ничего не слышала. Если Хасан, ее сосед, живущий двумя этажами ниже, сейчас в отъезде, если остальные жильцы тоже либо в отъезде, либо сидят в своих квартирах перед громко работающими телевизорами, никто не узнает о том, что здесь происходит.

Надо поднять тревогу. Добраться до кнопки тревоги.

Она сделала несколько глубоких вдохов. В голове было как-то тесно, такое ощущение, будто ее череп усох и сжался. И стены, казалось, то плотно смыкаются вокруг нее, то снова расходятся, потом опять смыкаются, словно это живые, дышащие легкие. На Эбби накатила волна паники.

– Привет! Я Эбби Доусон. Со мной все в порядке. Это просто странная химическая реакция. Я в порядке. Я в своем теле, я не умерла, и это скоро пройдет, – хриплым шепотом произнесла она; так советовал говорить психотерапевт, если она почувствует приближение панической атаки.

Эбби проползла несколько дюймов к кнопке тревоги. Пол

качался, кружился, будто Эбби лежала на доске, балансирующей на остром кончике палки и в любой момент готовой упасть. Подождав, когда кабина перестанет раскачиваться, она снова чуть-чуть продвинулась вперед. Потом еще. Мимо нее бесшумно, словно джинн из бутылки, проплыла новая струйка голубого, едко пахнущего дыма. Она вытянула руку и дрожащим пальцем ткнула в серую металлическую кнопку с надписью красными буквами: «Тревога».

Ничего не произошло.

Октябрь 2007 года

Близилась сумерки, когда глубоко погружившийся в свои мысли Рой Грейс повернул серую машину без опознавательных знаков на Трафальгар-стрит, гордо названную в честь великой победы в морской битве. Однако на этой убогой жалкой окраине города, где по обеим сторонам маячили мрачные, обшарпанные здания, в любое время дня и ночи кишел самый пестрый человеческий сброд, в значительной степени разбавленный наркоторговцами. Впрочем, сегодня сырая и ветреная погода не позволяла им торчать на свежем воздухе, за исключением разве что самых отчаянных. Рядом с ним в машине угрюмо молчал Гленн Брэнсон в строгом коричневом костюме в меловую полоску и в безупречном шелковом галстуке.

Необычная для служебной машины, почти новенькая «хёндэ» еще не успела провонять, как выброшенная упаковка из «Макдоналдса», застарелым гелем для волос, в ней все еще пахло свежим ароматом новой машины. Грейс повернул направо вдоль высокого ограждения с рекламными щитами строительной компании. За ним полным ходом шла реконструкция обширного и обветшалого района в центре Брайтона: два старых и практически заброшенных железнодорожных склада превращали в очередной шикарный жилой го-

родской комплекс.

Большую часть длинного рекламного щита занимало блестящее художественное изображение замысла архитектора:

КВАРТАЛ «НОВАЯ АНГЛИЯ». ДОМА И ОФИСЫ ДЛЯ ПРЕСТИЖНОЙ ЖИЗНИ

Впрочем, по мнению Грейса, все это мало чем отличалось от других современных комплексов в любом городе, через который ему приходилось проезжать. Сплошное стекло и открытые стальные балки, дворики с аккуратными кустиками и деревьями и ни одного грабителя. Когда-нибудь вся Англия будет выглядеть одинаково, и не поймешь, где ты находишься.

«Да тебе-то какая разница! – вдруг удивленно подумал он. – Неужели в свои тридцать девять лет я успел превратиться в старого пердуна? Неужели мне действительно хочется, чтобы любимый город со всеми его изысками застыл во времени?»

Однако в данный момент Грейса волновало нечто более важное, чем политика Департамента планирования Брайтон-энд-Хова. И даже более важное, чем человеческие останки, которые они едут осматривать. То, что сильно угнетало его.

Кассиан Пью.

В понедельник Кассиан Пью, долго оправлявшийся после автомобильной аварии и нескольких неудачных выходов на работу, займет в Главном управлении уголовного розыска ту

же должность, что и сам Грейс. Причем с одним большим преимуществом: детектив-суперинтендант Кассиан Пью был любимчиком Элисон Воспер, помощника главного констебля, тогда как он, Грейс, был для нее *bête noire*³.

И хотя в последние месяцы он добился крупных успехов, Рой Грейс понимал, что всего один, даже незначительный промах отделяет его от перевода из полиции Суссекса куда-нибудь к черту на кулички. А ему очень уж не хотелось расставаться с Брайтон-энд-Ховом. Или, что еще важнее, с любимой Клио.

На его взгляд, Кассиан Пью принадлежал к породе тех высокомерных мужчин, которые внешне обычно бывают невероятно хороши собой, причем прекрасно отдают себе в этом отчет. У него были золотистые волосы, ангельские голубые глаза, стойкий загар и голос, такой же вкрадчивый, как бор-машина дантиста. Амбициозный и самодовольный, излучающий естественную властность, он вел себя так, словно он главный, даже если это не соответствовало действительности.

Рой впервые столкнулся с ним как раз по этому поводу, когда пару лет назад во время съезда Лейбористской партии служба столичной полиции отправила в помощь полиции Брайтона подкрепление. Полный нелепого высокомерия, Пью, тогда еще просто детектив-инспектор, арестовал двух информаторов Роя, которых тот тщательно обрабаты-

³ Здесь: человек, которого терпеть не могут (*фр.*).

вал в течение многих лет, а потом наотрез отказался снять с них обвинения. Рой пришел в ярость, когда доложил об этом начальству, а Элисон Воспер встала на сторону Пью.

И что, черт побери, она нашла в этом человеке, Рой понятия не имел, разве что, как он иногда мрачно подозревал, у Пью с Элисон был роман, сколь бы невероятным это ему ни казалось. Поспешность, с которой помощница главного констебля перевела Пью из столичной полиции и повысила его в должности, фактически разделив обязанности Грейса, хотя он, вообще-то, вполне мог справляться со всем самостоятельно, пахивала каким-то тайным умыслом.

С тех пор как они покинули Суссекс-хаус, штаб-квартиру Главного управления уголовного розыска, Гленн Брэнсон, обычно раздражающе болтливый, не проронил ни слова. Возможно, он и вправду разозлился на Грейса за то, что в пятницу вечером его сорвали с места, не дали провести время в кругу семьи. А может, потому, что Рой не предложил ему сесть за руль. И вдруг детектив-сержант нарушил молчание:

– Ты смотрел фильм «Полуночная жара»?

– Не помню, – ответил Грейс. – Нет, кажется, не смотрел. А что?

– Там рассказывается про одного полицейского-расиста из южных штатов Америки.

– И что? – (Брэнсон пожал плечами.) – Я что, по-твоему, расист?

– Ты испортил мне выходные. Почему именно мне, а не кому-нибудь другому?

– Потому что я всегда выбираю в напарники черных мужчин.

– Вот и Ари тоже так думает.

– Ты это серьезно?

Пару месяцев назад, когда жена выгнала Гленна из дома, Рой приютил его у себя. Всего через несколько дней жизни бок о бок их прекрасной дружбе едва не пришел конец. Теперь Гленн снова вернулся к жене.

– Серьезно.

– Думаю, у Ари проблема.

– Первый кадр на мосту просто потрясающий. Это один из самых длинных кадров в истории кино.

– Отлично! Как-нибудь обязательно посмотрю. Послушай, дружище, твоей Ари давно уже надо спуститься на землю.

Гленн протянул ему жвачку. Грейс взял, пожевал, и вкусы мятые мгновенно взбодрили его.

– Тебе действительно нужно было тащить именно меня сегодня вечером? – спросил Гленн. – Мог бы взять кого-нибудь другого.

Они миновали перекресток, и Грейс увидел потрепанного мужчину в спортивном костюме, который разговаривал с парнем в толстовке. Оба то и дело воровато оглядывались. Наметанным глазом он сразу понял, что происходит. Мест-

ный наркоторговец обслуживает клиента.

– Я думал, у вас с Ари все наладилось.

– Я тоже так думал. Купил эту чертову лошадь! А теперь выясняется, что это не та лошадь, которую она хотела.

Наконец сквозь ветровое стекло, по которому глухо шуршали дворники, Грейс разглядел у въезда на стройплощадку скопление землеройных машин, полицейский автомобиль, сине-белую ленту, ограждающую место преступления, а также промокшего до нитки констебля в желтой светоотражающей куртке, который с недовольным видом держал в руках завернутый в пластик планшет. Это зрелище Грейса порадовало: по крайней мере, сегодняшние полицейские в форме усвоили, что нужно делать, чтобы оградить место, где они работают.

Он остановился прямо перед полицейской машиной и повернулся к Гленну:

– У тебя ведь не за горами комиссия, где будут рассматривать вопрос о твоём повышении в инспекторы, верно?

– Ну да, – пожал плечами детектив-сержант.

– Возможно, как раз это расследование даст тебе много такого, о чем можно будет поговорить во время собеседования. Фактор заинтересованности.

– Расскажи об этом Ари.

Грейс обнял друга за плечи. Он любил этого парня, одного из самых смысленных оперативников, с которыми ему приходилось работать. Гленн обладал всеми качествами, чтобы

сделать в полиции неплохую карьеру, только для этого придется изрядно потрудиться. А вот эта цена многих не очень устраивала. Ненормированный рабочий день полицейского разрушил множество браков. А те полицейские, кто ухитрялся выживать лучше других, состояли в браке с коллегами-полицейскими, или с медсестрами, или с представительницами других профессий, где вызовы на работу в неурочное время были обычным делом.

– Я выбрал тебя, поскольку лучшего специалиста, чем ты, рядом с собой не вижу. Но я тебя не заставляю. Хочешь – отправляйся домой, хочешь – оставайся. Решай сам.

– Ладно, старик... Ну пойду я домой, а дальше что? А завтра снова надену форму и отправлюсь на Дьюкс-Маунд отлавливать геев за непристойное поведение. Я все правильно понял?

– Более или менее.

Грейс вышел из машины. Брэнсон последовал за ним. Пригибаясь от дождя и завывающего ветра, они переоделись в белые комбинезоны, натянули высокие резиновые сапоги и, очень похожие на пару сперматозоидов, подошли к охраняющему место преступления констеблю.

– Вам понадобятся фонарики, – сказал констебль.

Грейс достал свой фонарик, пару раз щелкнул кнопкой, включив и выключив его. Брэнсон сделал то же самое. Второй констебль, также в ярко-желтой куртке, в гаснущем свете дня повел их за собой по обширной территории стройпло-

щадки. Сапоги хлюпали по липкой, изрытой колесами тяжелых грузовиков грязи.

Они прошли мимо высокого крана, неработающего экскаватора и штабелей строительных материалов, укрытых хлопьяющими от ветра листами полиэтилена. Перед ними круто поднималась разрушающаяся викторианская стена из красного кирпича, ограждавшая фундамент вагонного депо. В темноте за ней виднелось оранжевое зарево городских огней. С грохотом оторвался щит ограждения, где-то звякали друг о друга куски металла.

Грейс внимательно осматривал почву под ногами. Перед ним торчали сваи фундамента. Вся земля кругом была изрыта тяжелыми экскаваторами, работавшими здесь, должно быть, уже не один месяц. Если и искать какие-то улики, то только внутри тоннеля ливневой канализации; все, что могло быть вне его, давно исчезло.

Констебль остановился и указал туда, где футах в двадцати внизу как раз проходил откопанный ливневый водосток. Грейс внимательно взгляделся в нечто похожее на частично погрузившегося в землю доисторического змея, в спине которого виднелась проломленная, с неровными краями дыра. Спина этого змея была сложена из разнокалиберных кирпичей, настолько старых, что они почти полностью обесцветились. Перед ними предстал полузатопленный, местами выступающий из грязи тоннель.

Дренажный коллектор проходил под давно заброшенной

железнодорожной веткой Брайтон – Кемптаун.

– Никто и знать не знал, что он там проложен, – сказал констебль. – Сегодня экскаватор стал было копать, вот и пробил его ковшом.

Пытаясь преодолеть свой обычный страх перед высотой, пусть даже относительно небольшой, Рой Грейс немного постоял, потом набрал полные легкие воздуха и по крутому и скользкому склону зашагал вниз, а когда целым и невредимым добрался до дна, с облегчением сделал резкий выдох. Неожиданно для него тело гигантского змея оказалось намного крупнее, чем он ожидал: оно и выступало из земли гораздо больше, чем виделось сверху. Перед ним открылся округлый свод змеиного чрева, высота которого, по его прикидке, составляла не менее семи футов. В самом чреве было темно, как в пещере.

Включив фонарик, он направился прямо туда; Брэнсон и констебль двинулись за ним следом. Едва Грейс вошел в тоннель, как сразу же вокруг него заплясали тени. Он пригнулся и сморщился: в нос ударила густая, затхлая вонь застарелой сырости. Свод здесь был выше, чем казалось снаружи; ощущение было такое, будто находишься в древнем немощем тоннеле.

– Прямо как в фильме «Третий человек», – вдруг сказал Гленн Брэнсон. – Смотрел? Он есть у тебя дома.

– Тот, что с Орсоном Уэллсом и Джозефом Коттенем? – спросил Грейс.

– Ну да, у тебя хорошая память! Когда попадаю в канализацию, всегда вспоминаю этот фильм.

Грейс направил мощный луч фонаря вправо. Темно. Мерцающие лужи воды. Древняя кирпичная кладка. Он осветил лучом влево. И тут же отпрыгнул.

– Черт побери! – крикнул Гленн Брэнсон, и его голос эхом разнесся вокруг.

Хотя Грейс и ожидал этого, то, что он увидел в нескольких ярдах от себя, все-таки здорово его напугало. Прислонившийся к стене скелет, частично занесенный илом. Кажется, он просто отдыхает там, поджидая его. Местами на голове еще сохранились длинные пряди волос, но в остальном это были голые кости, обглоданные или начисто сгнившие, с несколькими крошечными участками высохшей кожи.

Стараясь не поскользнуться, Грейс прошлепал по грязи к скелету. Впереди мелькнули две красные точки и тут же исчезли. Крыса. Он снова направил луч на череп, чья жуткая бессмысленная ухмылка заставила Грейса похолодеть.

А может, что-то еще было в этом скелете?

Волосы. И хотя блеск давно исчез, они были той же длины и того же пшеничного оттенка, что и волосы его давно исчезнувшей жены Сэнди.

Пытаясь прогнать эту мысль, Грейс повернулся к констеблю:

– Вы осмотрели весь тоннель, до конца?

– Нет, сэр, я подумал, что мы должны подождать экспер-

та-криминалиста.

– Ну хорошо.

Грейс почувствовал облегчение, радуясь, что у молодого человека хватило ума не рисковать и не уничтожать улики, которые еще могли здесь остаться. И только потом осознал, что у него дрожат руки. Он снова направил луч на череп.

На пряди волос.

Чуть больше девяти лет назад, в тот день, когда ему исполнилось тридцать, Сэнди, его обожаемая жена, исчезла. И с тех пор он искал ее. И днем и ночью он только и гадал, что с ней случилось. Может, ее похитили и держат где-то в заточении? Сбежала с тайным любовником? Убита? Покончила с собой? Жива она или мертва? Он даже обращался к медиумам, ясновидящим и всем прочим экстрасенсам, которых мог найти.

Совсем недавно Грейс летал в Мюнхен, где, возможно, ее видели. Это имело некоторый смысл, поскольку неподалеку от Мюнхена жили ее родственники по материнской линии. Но никто из них ничего о ней не слышал, и все его расспросы, как и всегда, не дали никаких результатов. Каждый раз, сталкиваясь с делом о неопознанной мертвой женщине примерно того же возраста, что и Сэнди, Рой задавался вопросом: а вдруг это она?

Вот и сейчас скелет, закопанный в тоннеле ливневой канализации в городе, где Грейс родился, вырос и влюбился, словно насмехается над ним, словно хочет сказать: «Долго

же ты сюда добирался!»

Октябрь 2007 года

Сидя на жестком коврикe, Эбби смотрела на небольшую табличку, расположенную на серой стенке кабины рядом с панелью для кнопок. Красными заглавными буквами на белом фоне было написано:

КОГДА ОН СЛОМАЕТСЯ,
ЗВОНИТЕ 013 228 7828
ИЛИ НАБИРАЙТЕ 999

Грамматика этого текста внушала мало доверия. Но под кнопочной панелью имелось узенькое окошко с треснувшим стеклом.

Медленно, дюйм за дюймом, Эбби поползла к этому окошку. До него было всего несколько футов, но при малейшем ее движении лифт начинал дико раскачиваться, отчего можно было совсем скоро оказаться по ту сторону нашего мироздания.

Наконец она добралась до окошечка, взломала его и сняла телефонную трубку, от которой шел смотанный провод.

Мертвое молчание.

Эбби несколько раз нажала на рычаг аппарата, и лифт снова сильно качнулся, но из трубки все так же не доносилось ни звука. На всякий случай она набрала номер. По-прежнему

му глухо.

Отлично, подумала она. Потрясающе! Достала из сумочки мобильный и набрала 999.

Телефон издал резкий гудок. На экране возникло сообщение:

Абонент находится вне зоны обслуживания.

– Господи, нет, только не это!

Учащенно дыша, она выключила телефон, а через несколько секунд снова включила и стала смотреть на экран, ожидая появления хотя бы одного сигнала. Но, увы, все было тщетно.

Она снова набрала 999, услышала тот же резкий гудок и увидела то же сообщение. Попробовала еще раз, потом еще, нажимая на кнопки с каждым разом все сильнее.

– Ну давай же, давай! Пожалуйста, ну прошу тебя, давай!

Эбби продолжала упорно глядеть на экран. Иногда сигнал появлялся, но сразу же пропадал. Может быть, если еще подождать...

Наконец она крикнула, сначала неуверенно:

– Эй! Помогите!

Ее голос прозвучал совсем тихо, как будто со дна глубокого колодца.

Тогда она набрала полные легкие воздуха и заорала во весь голос:

– Эй! Помогите, прошу вас, пожалуйста! Помогите! Я застряла в лифте!

И стала ждать. Тишина.

Тишина настолько громкая, что Эбби могла ее слышать. Как и гудение лампочек на панели над ней. И стук собственного сердца. И шуршание крови, текущей по венам. Учащенное, с присвистом, собственное дыхание.

Теперь Эбби казалось, что стенки кабины начинают сдвигаться.

Она сделала медленный вдох, выдохнула. Снова уставилась на экран телефона. Рука дрожала так сильно, что прочитать что-либо на нем было почти невозможно. Цифры расплывались. Она снова и снова делала глубокие вдохи. Еще раз набрала 999. Ничего. Тогда, положив телефон, она с силой двинула кулаком по стенке кабины.

Раздался гулкий грохот, лифт тревожно качнулся, ударился о стену шахты и опустился еще на несколько дюймов.

– Помогите! – завопила Эбби.

Но даже от крика кабина закачалась и загудела. Какое-то время Эбби лежала неподвижно. Лифт остановился.

Затем сквозь охвативший ее ужас прорвалась яростная вспышка злости: как же она умудрилась попасть в такую передрагу! Эбби проползла несколько футов вперед и стала колотить в металлические двери и во всю глотку орать. Она орала до тех пор, пока уши не заболели от грохота, в горле не пересохло и она не начала кашлять, словно наглоталась пыли.

– Выпустите меня!

Неожиданно лифт поехал вниз, словно кто-то с силой толкнул крышу его кабины. Ее глаза метнулись кверху. Она затаила дыхание, прислушалась.

Но не услышала ровным счетом ничего, стояла мертвая тишина.

11 сентября 2001 года

Лоррейн Уилсон сидела топлес в шезлонге в своем саду, наслаждаясь прелестями уходящего лета, желая еще немножко загореть. Сквозь большие овальные солнцезащитные очки она посмотрела на золотые часы «Ролекс», которые ей подарил Ронни в июне на день рождения и которые, как он уверял, были настоящими. Но она не такая дура, чтобы в это поверить. Слишком уж хорошо она знала Ронни. Он бы ни за что не потратил десять тысяч фунтов, если мог купить практически то же самое за пятьдесят. И уж точно не сейчас, когда у него столь серьезные финансовые проблемы.

Не то чтобы он когда-либо делился с ней своими проблемами, но она поняла это по тому, как в последнее время Ронни резко ужесточил контроль буквально за всем, проверяя счета за продукты, упрекая ее в чрезмерных тратах на одежду и парикмахеров, даже на обеды с подругами. Некоторые комнаты в их доме уже выглядели постыдно убогими, но Ронни решительно не позволил ей вызвать декораторов, заявив, что сейчас им придется экономить.

Лоррейн очень любила Ронни, но не могла понять его до конца, словно в глубине души у него был тайник, где скрывался его внутренний демон, с которым он постоянно в одиночку боролся. Что это был за демон, она все же имела неко-

торое представление: Ронни пожирало упорное желание показать всему миру и в особенности всем, кто его знал, что он в этой жизни добился успеха.

Вот почему он купил этот дом недалеко от Ширли-драйв, хотя на самом деле они не могли себе этого позволить. Дом был не очень большой, зато располагался в одном из самых дорогих районов Брайтон-энд-Хова, тихом, холмистом, с тенистыми улицами, на которых отдельно стоящие дома окружали большие сады. В отличие от большинства эдвардианских и псевдотюдоровских домов, традиционных для этого района, их дом был современный, двухэтажный, и никто даже не подозревал, что на самом деле он довольно маленький. Терраса из тикового дерева и небольшой открытый бассейн добавляли немного гламура Беверли-Хиллз.

Было 13:50. Очень мило, что он только что позвонил. Часовые пояса всегда сбивали ее с толку. Странно, что он еще завтракает, а у нее уже настало время ланча из творога с ягодами. Она была рада, что он прилетает сегодня вечером. Когда его не было дома, Лоррейн всегда по нему скучала; она прекрасно знала, что он бабник, но ей всегда было любопытно, чем он занимается, когда предоставлен самому себе. Впрочем, эта поездка была короткой: всего три дня, так что ничего страшного.

Сейчас Лоррейн находилась в уединенной части своего сада, отгороженной от соседей высокой шпалерой, увитой плющом и закрытой огромным, буйно разросшимся и, ка-

залось, вознамерившимся превратиться со временем в дерево кустом рододендрона. Она наблюдала, как электронный очиститель бассейна скользит вверх и вниз по голубой воде, поднимая на поверхности рябь. Альфи, их полосатый кот, похоже, нашел за рододендронам что-то интересное и медленно прохаживался туда-сюда: пройдет в одну сторону, посмотрит, повернется и медленно пройдет в обратную сторону и снова посмотрит.

О чем кошки думают, никому не известно, мелькнула у нее в голове неожиданная мысль. А за ней другая: в этом Альфи очень похож на Ронни, честное слово.

Она поставила тарелку на землю и взяла в руки «Дейли мейл». До похода к парикмахеру у нее оставалось еще полтора часа. Она собиралась высветлить пару прядей волос, а затем отправиться к маникюрше. Ей всегда хотелось хорошо для него выглядеть.

Нежась в теплых лучах солнца, Лоррейн лениво перелистывала страницы. Через несколько минут она встанет и пойдет гладить его рубашки. Ронни мог покупать поддельные часы, но рубашки всегда покупал настоящие, причем только на Джермин-стрит в Лондоне, и требовал, чтобы рубашки были как следует выглажены. Теперь, когда в рамках экономии домработница от них ушла, всю работу по дому Лоррейн пришлось взять на себя.

Она с улыбкой вспомнила те первые дни, когда стала жить с Ронни. В то время ей и в самом деле очень нравилось сти-

рать и гладить его вещи. Десять лет назад, когда они только познакомились, она работала продавщицей в магазине беспошлинной торговли в аэропорту Гэтвик, а Ронни собирал по кусочкам свою жизнь после того, как его красивая, но безмозглая жена сбежала в Лос-Анджелес с каким-то кинорежиссером, с которым она познакомилась на девичнике в Лондоне и который пообещал сделать из нее кинозвезду.

Помнила она и их первый совместный отпуск в окрестностях Марбелли, в маленькой съемной квартирке с видом на гавань для яхт в Пуэрто-Банусе. Ронни тогда попивал на балконе пиво, с завистью поглядывал на яхты и обещал ей, что однажды они станут владельцами самой большой яхты в этой гавани. Ронни знал, как надо ухаживать за женщиной. В этом деле он был настоящий мастер.

Больше всего она любила стирать его одежду. Держать в руках его футболки, плавки, носки и носовые платки. Вдыхать его мужской запах. Как приятно было гладить эти красивые рубашки, а потом смотреть, как он их надевает. Ей казалось, что он носит как бы частицу ее самой.

Теперь же это стало рутинной работой, и она вдруг поняла, что возмущается его подлостью.

Лоррейн продолжила читать журнальную статью о замечательной гормональной терапии, посвященную непрекращающимся дискуссиям о том, насколько снижение симптомов климактерического периода и способность сохранять внешность молодой женщины предпочтительнее дополни-

тельного риска заболеть раком груди и получить еще кучу всяких других неприятностей. Над ее головой прожужжала оса. Лоррейн отмахнулась от нее и опустила взгляд на собственную грудь. До сорока ей оставалось два года, все идет к тому, что она скоро начнет стареть, вот только грудь ее, на которую была потрачена куча денег, все еще хороша.

Безупречной ослепительной красавицей Лоррейн не была, но, по выражению Ронни, была сногшибательной. Светлые волосы она, видимо, получила от норвежской бабушки. Еще несколько лет назад, как миллионы блондинок по всему миру, она стала носить теперь уже классическую прическу Дианы, принцессы Уэльской, и ей даже пару раз задавали вопрос, не принцесса ли она.

И вот теперь, мрачно подумала Лоррейн, придется что-то делать и с телом.

Откинувшись на спинку шезлонга, она посмотрела на свой живот: похож на сумку кенгуру. Такой живот бывает у многодетных женщин, когда мышцы почти исчезли, а кожа растянута. А тут еще ямочки от целлюлита по всей верхней части бедер.

И все эти катастрофические изменения происходили с ее телом, несмотря на то что она, к недовольству Ронни, который за это платил, три раза в неделю ходила на занятия к персональному тренеру.

Оса вернулась и снова принялась жужжать над головой.
– Кыш! – произнесла Лоррейн, отмахиваясь от осы. – Ва-

ли отсюда!

Зазвонил телефон. Лоррейн потянулась к радиотелефону. Звонила ее сестра Мо. Обычно спокойный, жизнерадостный голос сестры звучал с каким-то тревожным возбуждением.

– У тебя телик работает? – с явным беспокойством спросила она.

– Нет, я в саду, – ответила Лоррейн.

– А Ронни сейчас в Нью-Йорке?

– Да, я только что с ним разговаривала.

– Там у них случилось что-то ужасное. По всем новостям показывают. В башню Всемирного торгового центра врезался самолет.

Октябрь 2007 года

Дождь усилился, барабанил по стальной крыше фургона криминалистов так громко, словно это был град. Непрозрачные окна пропускали наружный свет, но защищали от любопытных глаз. Однако снаружи света почти не было, на город опустились унылые влажные сумерки, окрашенные десятками тысяч горящих уличных фонарей в цвет ржавчины.

Несмотря на внушительные внешние габариты фургона «форд-транзит» с длинной колесной базой, внутри было тесновато. Рой Грейс, закончив разговор по мобильному телефону, достал из сумки книгу регистрации преступлений, положил перед собой и начал совещание.

Вместе с ним за столом, помимо Гленна Брэнсона, сидели криминалист, полицейский консультант по розыску, опытный эксперт-криминалист, один из двоих патрульных, охранявших место преступления, а также судебный археолог Джоан Мейджор, которую полиция Суссекса регулярно привлекала для помощи в идентификации человеческих скелетов и для экспертизы костей, найденных либо на строительных площадках, либо детьми в лесу, либо, скажем, выкопанных садоводами-любителями, чтобы выяснить, принадлежат эти кости человеку или животному.

В фургоне было холодно и сыро, в воздухе витал резкий

запах синтетических паров. В одной секции металлического стеллажа лежали рулоны ленты для ограждения мест преступлений, в другой – мешки для трупов, тенты и водонепроницаемые настилы, веревки, тросы, молотки, пилы, топоры и пластиковые бутылки с химикатами. В этих машинах Грейсу всегда виделось нечто мрачное. Они были похожи на дома на колесах, хотя в них никогда не ездили отдыхать на природу, а только выезжали на места жестоких преступлений.

Было 18:30.

– Надюшка недоступна, – сообщил Грейс собравшимся и положил мобильник перед собой.

– Значит, получим Фрейзера, так? – хмуро отозвался Гленн.

– Да.

Грейс увидел, как вытянулись лица присутствующих. С Надюшкой де Санча, патологоанатомом Министерства внутренних дел, предпочитали работать все сотрудники Главного управления уголовного розыска Суссекса. Смышленая, живая и веселая, к тому же хороша собой. В отличие от нее, Фрейзер Теобальд был угрюмым и медлительным, хотя работал весьма тщательно.

– Но проблема в том, что Фрейзер сейчас заканчивает вскрытие в Эшере. Раньше девяти вечера он сюда не придет. – Грейс поймал взгляд Гленна.

Оба понимали, что это значит: придется остаться здесь на всю ночь.

Грейс открыл книгу регистраций и написал на первой странице:

*ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ИНСТРУКТАЖ НА МЕСТЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ. Пятница, 19 октября. 18:30.
Застройка квартала «Новая Англия».*

– Могу я внести предложение? – спросила судебный археолог Джоан Мейджор, приятная на вид женщина лет сорока, с длинными каштановыми волосами и современными очками квадратной формы, в черной водолазке, коричневых брюках и прочных ботинках.

Грейс в знак согласия махнул рукой.

– Предлагаю сейчас отправиться на место и провести беглую экспертизу... Основную работу, наверное, начинать сегодня не стоит, тем более что уже темно. При дневном свете будет гораздо проще. Похоже, скелет лежит там очень давно, и еще один день ничего не изменит.

– Хорошая мысль, – поддержал ее Грейс. – Но нельзя забывать, что здесь ведутся строительные работы. – Он посмотрел на полицейского консультанта по розыску Неда Моргана, высокого бородатого мужчину с загорелым лицом. – Нед, свяжись, пожалуйста, с прорабом. В районе тоннеля ливневой канализации работы придется остановить.

– Я уже разговаривал с ним по пути сюда. Он жалуется, что у них сроки, а за их несоблюдение высокие штрафы, – объяснил Морган. – Когда я сказал, что мы можем пробыть здесь неделю, он чуть истерику не закатил.

– Это большой объект, но целиком закрывать его не нужно. Надо просто решить, где лучше временно приостановить работы, пока вы ведете поиски. – Грейс повернулся к судебному археологу. – Да-да, вы правы, Джоан. Завтра при дневном свете работать будет гораздо удобнее.

Он позвонил Стиву Карри, окружному инспектору, ответственному за координацию работы полиции в этом районе города, и уведомил его о необходимости оставить охрану места происшествия до дальнейших распоряжений, что у инспектора, разумеется, особого восторга не вызвало. Охрана места происшествия – дело дорогостоящее.

Затем Грейс повернулся к криминалисту Джо Тиндаллу, который в начале этого года получил повышение. Тиндалл самодовольно улыбнулся.

– Да мне все равно, Рой, – сказал он с акцентом уроженца Мидлендса. – Делайте что хотите. Сейчас я главный и могу уходить домой в нормальное время. Прошли те времена, когда ты со своими ребятами портили мне выходные. Отныне я порчу выходные другим.

В глубине души Грейс завидовал ему. Более того, останки вполне могли подождать до понедельника, но теперь, когда он снова пожалел о том, что их обнаружили и сообщили о них, других вариантов уже не было.

Десять минут спустя, облачившись в защитную одежду, они вошли в тоннель ливневой канализации. Грейс шел впереди, за ним следовали Джоан Мейджор и Нед Морган. Консультант по розыску посоветовал остальным членам группы оставаться в машине, чтобы не затоптать место происшествия и свести к минимуму исчезновение возможных улик.

Все трое остановились в нескольких футах от скелета и осветили его фонариками. Джоан Мейджор направила луч своего фонарика вверх и вниз, потом подошла достаточно близко, чтобы коснуться скелета.

Остро чувствуя подкативший к горлу комок, Рой Грейс еще раз внимательно оглядел череп. Он уже понял: вероятность того, что перед ним останки Сэнди, крайне мала. И все же... Все зубы целы, хорошие зубы. У Сэнди были хорошие зубы – одно из многих достоинств, привлекавших его. Красивые, белые, ровные зубы и улыбка, от которой его сердце каждый раз таяло.

– Джоан, это мужчина или женщина? – спросил Грейс слегка дрожащим, чужим голосом.

Она внимательно оглядела череп.

– Наклон лба почти вертикальный... – произнесла она, и ее слова отозвались в тоннеле зловещим эхом. – У мужчин, как правило, лоб более покатый. – Она переложила фона-

рик в левую руку и, ткнув указательным пальцем натянутой в перчатку правой руки в затылок черепа, продолжила: – Затылочный бугор очень округлый. – Джоан постучала по нему пальцем. – Если пощупать твой затылок, Рой, бугор будет гораздо более отчетливо выражен, так всегда бывает у мужчин. – Она заглянула в левую ушную полость. – Опять же, сосцевидный отросток височной кости указывает на то, что перед нами женщина. У мужчин он более выражен. – Потом она провела пальцем по воздуху перед глазами отверстиями. – Видишь надбровные дуги? У мужчин они тоже более выражены.

– Значит, ты практически уверена в том, что это женщина? – спросил Грейс.

– Да, практически уверена. Сейчас осмотрю как следует таз, тогда буду уверена на сто процентов, но и сейчас картина в принципе ясная. И еще я проведу кое-какие измерения. Мужской скелет в целом более прочный, да и пропорции другие. – Она немного помолчала. – Тут есть кое-что лично для меня интересное, и я бы хотела узнать, что об этом думает Фрейзер.

– Что именно ты имеешь в виду?

Она ткнула пальцем в основание черепа:

– Подъязычная кость сломана.

– Подъязычная?

Она снова указала на кость, свисающую на тоненькой полоске высохшей кожи:

– Видишь эту u-образную кость? Именно она удерживает язык на своем месте. Возможно, она подскажет причину смерти... Дело в том, что подъязычная кость частенько ломается при удушении.

Грейс сразу все понял. Несколько секунд он смотрел на кость, потом снова перевел взгляд на идеальные зубы скелета, пытаясь вспомнить все обстоятельства и подробности при последнем исследовании скелетных останков, на котором присутствовал пару лет назад.

– А что скажешь про ее возраст?

– Давай оставим это на завтра, так будет лучше, – ответила Джоан. – Если навскидку, то она, похоже, была в самом расцвете сил, от двадцати пяти до сорока.

Когда Сэнди исчезла, ей было двадцать восемь, подумал он, продолжая смотреть на череп. На зубы. И краем глаза видел, как Нед Морган шарит лучом фонарика куда-то вдоль стока, сначала в одну сторону, потом в другую.

– Послушай, Рой, надо бы сюда пригласить инженера из совета, – сказал консультант по розыску. – Эксперта по городской дренажной системе. Выяснить, какие другие стоки соединяются с этим. Возможно, сохранились какие-нибудь остатки ее одежды или другие вещи, которые могли быть смыты.

– Считаешь, этот сток затопляется? – спросил Грейс.

Морган еще раз с задумчивым видом посветил лучом вверх-вниз:

– Ну что сказать... Дождь сейчас идет довольно сильный, поливает целый день, а воды здесь немного, но такое вполне возможно. Этот дренаж, вероятно, был построен для того, чтобы вода не затапливала железнодорожные пути, так что да, вполне возможно. Но... – Он нерешительно замолчал.

Тогда в разговор вмешалась Джоан:

– Похоже, она здесь уже несколько лет. Если бы сток затопляло, то, скорее всего, тело бы то поднималось, то опускалось, и в конце концов скелет развалился бы. А он остался целым. Кроме того, остатки высохшей кожи говорят о том, что в течение какого-то времени здесь было сухо. Но исключить периодических наводнений тоже нельзя.

Грейс не отрываясь смотрел на череп, и в его груди бушевали самые разные чувства. Ему вдруг не захотелось больше ждать до завтра, он жаждал начать работу немедленно, прямо сейчас.

С огромной неохотой он велел патрульному опечатать вход в тоннель и оградить это место.

Октябрь 2007 года

Эбби не могла поверить: ей захотелось в туалет. Она посмотрела на часы. Прошел час и десять минут с тех пор, как она вошла в этот чертов лифт. Почему? Почему? Ну почему она такая дура?

Все из-за этих чертовых ремонтников внизу, вот почему. Господи! По лестнице она спустилась бы за полминуты, заодно и сама хорошенько размялась бы. Ну почему, почему, почему?

А теперь вот еще и эта острая потребность как можно скорее освободить мочевой пузырь. Ведь сходила же в туалет всего за несколько минут до того, как выйти из квартиры, но ощущение такое, словно она с тех пор успела выпить десять пинт кофе и целый галлон воды.

Нет, ни за что не стану писать здесь. Приедут спасатели и увидят, что я лежу в вонючей луже. Нет уж, такого позора я не перенесу.

Она стиснула колени, сжала внутренности и, дрожа, стала ждать, когда эта мука пройдет, потом снова посмотрела на потолок кабины, на зарешеченную матовую световую панель. Прислушалась. Кажется, где-то слышны шаги, она даже уверена в этом.

Или просто воображение разыгралось...

В фильмах люди всегда как-то умудрялись открыть двери или выбраться через люк в потолке. Вот только в кино лифты так не раскачивались.

Желание помочиться прошло. Оно, конечно, вернется, но пока вроде бы все нормально. Эбби попыталась встать, но лифт снова стал дико раскачиваться, гулко ударяясь о стены шахты. Затаив дыхание, она стала ждать, когда он остановится. Молилась про себя, чтобы трос выдержал. Потом опустила на колени, подняла с пола мобильный телефон и еще раз набрала 999. Услышала тот же резкий гудок и увидела то же сообщение об отсутствии связи.

Эбби попыталась просунуть пальцы в щель посередине между створками дверей, но безуспешно. Она открыла сумочку и порылась в ней в поисках чего-нибудь, что можно было бы пропихнуть в эту узенькую щель. Не нашла ничего, кроме металлической пилки для ногтей. Вставила ее в щель, но уже через пару дюймов пилка уперлась во что-то твердое. Эбби попробовала сдвинуть ее вправо, потом резко влево. Пилка согнулась.

Тогда Эбби принялась поочередно нажимать на все кнопки на панели и, не добившись успеха, в отчаянии ударила ладонью по стенке кабины.

Потрясающе!

Сколько еще времени есть у нее?

Наверху снова раздался зловещий скрежет. Эбби представила, как витой трос постепенно раскручивается, становясь

все тоньше и тоньше. Болты, прикрепленные к крыше кабины, так же постепенно срезаются. Она вспомнила разговор на вечеринке несколько лет назад о том, что делать, если трос лифта оборвется и лифт начнет падать. Многие сошлись на том, что, перед тем как кабина ударится о дно шахты, нужно подпрыгнуть. Но как узнать, когда она достигнет этого дна? А если лифт падает со скоростью сто миль в час, то ведь и ты будешь падать с той же скоростью. Другие считали, что нужно лечь плашмя на пол кабины, а в конце какой-то остряк заявил, что лучший шанс выжить – не находиться в том лифте вообще.

Сейчас с этим остряком она абсолютно согласна.

Господи, какая ирония судьбы! Приложить столько усилий, чтобы оказаться здесь, в Брайтоне. Подвергаться таким опасностям, принимать такие меры предосторожности, чтобы нигде не наследить.

И по собственной глупости застрять в лифте.

Ей вдруг пришла в голову мысль о том, как об этом станут сообщать в газетах и по телевизору. *В результате несчастного случая в лифте погибла женщина. Тело ее до сих пор не опознано.*

Нет-нет. Только не это.

Она стала внимательно разглядывать стеклянную панель, потом протянула руку и ткнула в нее пальцем. Панель не поддалась.

Эбби надавила сильнее.

Опять ничего не вышло.

Эта панель *должна* сдвинуться. Эбби вытянулась, насколько могла, и изо всех сил надавила на панель кончиками пальцев. Но от ее усилий лифт только покачнулся. Он снова отскочил от стены шахты с тем же глухим звуком. Бу-у-у-ум!

А затем она услышала скрежет. Очень отчетливый, долгий скрежет, словно наверху кто-то есть и сейчас спасет ее.

Эбби снова прислушалась, стараясь не обращать внимания на хриплое дыхание и барабанный стук сердца. Слушала, наверное, не менее двух минут, уши закладывало, как иногда бывает в самолете, – правда, в самолете это происходит от смены давления при наборе высоты, а сейчас просто от страха.

Но не слышала ничего, кроме поскрипывания троса и время от времени треска, скрежета рвущегося металла.

11 сентября 2001 года

Сжимая трубку радиотелефона и чувствуя, как глубоко внутри ее закручивается ужасный водоворот тьмы, Лоррейн вскочила с шезлонга, пробежала по настилу, едва не споткнувшись об Альфи, и через раздвижные двери влетела в дом, трясая пышной грудью, звякая золотыми цепочками на лодыжках, глубоко утопая ногами в мягком ворсе белого ковра.

– Так ведь он сейчас как раз там! – дрожащим шепотом крикнула она в трубку сестре. – Ронни в данный момент именно там!

Лоррейн схватила пульт и нажала на кнопку. Включился канал Би-би-си-один. И хотя ручная камера оператора постоянно дергалась, Лоррейн сразу узнала высокие серебристые башни-близнецы Всемирного торгового центра. Из верхней части одной из башен густыми клубами, почти полностью заволакивая ее, валил черный дым, а над ней черно-белая мачта вонзалась в безоблачное синее небо.

О боже! О боже! Ведь где-то там Ронни. В какой башне у него назначена встреча? И на каком этаже?

Она едва слышала взволнованный голос американского диктора:

– Это не какой-нибудь легкомоторный, это был большой

пассажирский самолет. Боже мой! Боже мой!

– Мо, я тебе перезвоню, – сказала Лоррейн. – Я тебе скоро перезвоню.

Она набрала мобильник Ронни. Через несколько секунд услышала короткие гудки. Занято. Она попробовала еще раз. Потом еще раз. И еще раз.

Боже мой, Ронни! Прошу тебя, Господи, сделай так, чтобы с ним все было хорошо. Ронни, любимый, только бы с тобой ничего не случилось.

Из телевизора доносилось завывание сирен. Все, задрав голову, смотрят вверх. Множество людей, мужчин и женщин, в нарядной одежде и в рабочей, стоят неподвижно, застыв в причудливой картине, одни закрывают руками лицо, а другие держат камеры. Снова на экране башни-близнецы. Одна изрыгает черный дым, оскверняющий синеву прекрасного неба.

Лоррейн задрожала. Она застыла на месте.

Сирены завывали все громче.

Почти никто не двигался. Лишь несколько людей бежали к зданию. Вот подъехала пожарная машина с длинной лестницей, послышался вой сирен, раздирающих воздух.

Она снова набрала номер Ронни. Занято. Еще раз. Занято. Каждый раз занято.

Лоррейн перезвонила сестре.

– Никак не могу до него дозвониться, – пожаловалась она, сдерживая рыдания.

– Лори, с ним все будет в порядке. Ронни из любой передряги выйдет живой, с ним все будет хорошо.

– Как... как такое могло случиться? – Голос Лоррейн был полон отчаяния. – Как это самолет ни с того ни с сего взял и врезался? То есть я хочу сказать...

– Я уверена, что с Ронни все в порядке. Это ужасно, конечно, трудно поверить, что так бывает. Прямо как... короче, как в каком-нибудь кино про катастрофу.

– Ладно, я отключаюсь. Вдруг он сейчас пытается дозвониться. И я тоже попробую дозвониться до него.

– Когда он ответит, перезвонишь?

– Да.

– Обещаешь?

– Да.

– С ним все будет в порядке, родная, честное слово.

Лоррейн дала отбой, а сама была не в силах оторвать взгляд от экрана телевизора. Потом снова лихорадочно стала набирать номер Ронни.

Но успела набрать только половину его.

Октябрь 2007 года

– Грейс, ты будешь любить меня всю жизнь? – спросила она. – Это правда, Грейс? Правда?

– Да.

– Ты ведь не обманываешь меня, да, Грейс? – улыбнулась она.

Они выпили и пообедали в ресторане «Куполь» на бульваре Сен-Жермен, а потом в тот чудесный июньский день прогулялись вдоль Сены, после чего вернулись в отель.

Казалось, погода всегда была прекрасной, когда они вместе. Как и сейчас. Сэнди стояла над ним в их красивой спальне, заслоняя солнечный свет, который струился сквозь закрытые ставнями окна. Длинные белокурые локоны свисали с обеих сторон ее веснушчатого лица, слегка касаясь его щек. Потом она качнула головой, словно смахивая с него пыль.

– Послушай! Мне еще надо прочитать отчет...

– Какой же ты зануда, Грейс. Вечно тебе нужно что-то читать! Мы ведь в Париже! У нас романтический уик-энд! Я тебе что, больше не нравлюсь? – Она поцеловала его в лоб. – Ну ладно, читай, читай, читай! Работай, работай, работай! – Она еще раз поцеловала его в лоб. – Такой зануда, зануда, зануда!

Дразня его, она ловко увернулась от его протянутых рук.

На ней был короткий сарафан, из выреза которого чуть ли не вываливались ее красивые груди. Он мельком увидел ее длинные загорелые ноги, когда задрался подол, и сразу же возбудился.

Она придвинулась к нему еще ближе и взяла в руку его горячую плоть:

– Грейс, неужели это все для меня? О, как я обожаю его! Вот что для меня значит, когда он по-настоящему *стоит*!

Падающий сзади солнечный свет внезапно стал таким ярким, что ее лица уже почти не было видно. Все черты смазались и исчезли, над ним навис пустой черный овал, обрамленный струями золотистых волос, словно лунное затмение солнца. Ему стало страшно. На долю секунды он не смог даже вспомнить, как она выглядела.

Потом он снова ясно увидел ее лицо и пробормотал:

– Я люблю тебя, ничего на всем свете я так не...

И тут ему показалось, что солнце опять скрылось за тучами. Температура упала. Ее лицо сразу побледнело, так, словно она была больна, так, словно она умирала.

Он обнял ее за шею и крепко прижал к себе.

– Сэнди! – горячо прошептал он. – Сэнди, дорогая моя!

От нее странно пахло, кожа стала жесткой, не такой, как у Сэнди. От нее явно несло затхлостью. Гнилью, землей и прогорклыми апельсинами.

Потом свет пропал совсем, будто кто-то выдернул вилку из розетки.

И в холодном, пустом воздухе Рой услышал эхо своего голоса.

– Сэнди! – закричал он, но крик застрял у него в горле.

Потом свет снова вспыхнул. Ослепительный свет морга. Он снова заглянул ей в глаза. И тут же истошно завопил. Он смотрел в пустые глазницы черепа. Держал в своих объятиях скелет, увенчанный ухмыляющимся черепом с идеальными зубами.

– Сэнди! – завопил он. – Сэнди!

Свет снова изменился. Потускнел, принял желтоватый оттенок. Послышался мягкий скрип кроватных пружин. И чей-то голос:

– Рой...

Это голос Клио.

– Рой! Ты не спишь? – (Мокрый от пота, растерянно моргая глазами, он уставился в потолок.) – Рой!

Его трясло.

– Мне... мне...

– Ты так громко кричал.

– Прости. Прости меня.

Клио села в кровати, ее длинные светлые волосы рассыпались по еще сонному, побледневшему от испуга лицу. Опираясь на руку, она смотрела на него с таким выражением, будто он только что причинил ей сильную боль. Еще до того, как она заговорила, он уже знал, что она сейчас скажет.

– Ты кричал «Сэнди», – с горечью произнесла она. –

Опять?

Он пристально всматривался в лицо Клио. Тот же цвет волос, что и у Сэнди, те же серо-голубые глаза, разве что больше серого оттенка. Больше металла. Грейс где-то вычитал, что вдовцы или разведенные часто влюбляются в тех, кто похож на их жену. До сих пор эта мысль никогда не приходила ему в голову. Но Клио с Сэнди совсем не похожи. Сэнди была очень хороша собой, но черты ее нежного лица не имели ничего общего с классической красотой Клио.

Грейс стал разглядывать белый потолок, белые стены в спальне Клио, ее черный лакированный туалетный столик. Клио не любила приходить к нему домой, потому что слишком остро ощущала присутствие Сэнди, и предпочитала проводить с ним время здесь, у нее дома.

– Прости, – произнес он. – Дурной сон приснился. Какой-то кошмар.

Клио нежно погладила его по щеке:

– Может, еще раз сходишь к тому психиатру, помнишь, которого ты раньше посещал?

В ответ он только кивнул и, со страхом ожидая, что ему снова приснится то же самое, погрузился в тяжелый, беспокойный сон.

Октябрь 2007 года

Спазмы становились все чаще, все сильнее и все болезненнее. Теперь это происходило каждые несколько минут. Вероятно, это очень похоже на родовые схватки.

Ее часы показывали 3:08. Эбби находилась в лифте уже почти девять часов. Возможно, она застрянет здесь до самого понедельника, если, конечно, кабина не сорвется и не рухнет вниз раньше.

Зашибись, черт возьми! Ну как прошел уик-энд? Я свой провела в лифте. Это было круто. Там у меня было зеркало, панель с кнопками, грязная стеклянная крыша с лампочками и царапины на стенке кабины. Похоже, кто-то хотел нацарапать свастику, но, наверное, передумал... А еще табличка печатными буквами, которую писал, похоже, какой-то неграмотный придурок, не умеющий не только писать, но и поддерживать в надлежащем состоянии этот гребаный лифт.

КОГДА ОН СЛОМАЕТСЯ,
ЗВОНИТЕ 013 228 7828
ИЛИ НАБИРАЙТЕ 999

Ее трясло от злости, в горле пересохло и ужасно першило, от криков голос почти пропал. Немного передохнув, Эб-

би снова поднялась на ноги. Теперь ее уже не волновало, что кабина станет дергаться и раскачиваться; ей позарез надо выбраться наружу, а не лежать тут и ждать у моря погоды, ждать, пока не оборвется трос, или не срежутся какие-нибудь там хомуты, или еще что-нибудь в этом роде, и она бесславно погибнет.

– Пытаюсь, пытаюсь, тупые ублюдки, – прохрипела она, глядя на табличку и чувствуя, как стены снова смыкаются и давят со всех сторон, а на нее опять накатывает паническая атака.

Телефон в лифте упорно молчал. Свой мобильник она держала поближе к лицу, глубоко дыша и пытаясь успокоиться. Ну скорее бы появился сигнал, молилась она и одновременно проклинала своего провайдера, проклинала все на свете. Ей казалось, что кожа на голове натянулась так сильно, что в глазах все туманится, а тут еще снова чертовски захотелось писать. По внутренностям словно с грохотом проносился железнодорожный состав.

Стиснув колени, Эбби втянула в легкие воздух. Прижатые друг к другу бедра дрожали. В животе ходила мучительная боль, словно в него вонзилось раскаленное лезвие ножа и теперь там поворачивается. Она скулила, хныкала, глотая воздух и сотрясаясь всем телом, потом прижалась к стенке кабины и свернулась клубком. Эбби понимала, что долго так не продержится.

Но она упорно боролась с позывами – разум против ма-

терии, – сражалась с собственным организмом, твердо решив не поддаваться ничему, против чего протестует ее рас-судок. Эбби вспомнила о матери, которой было уже где-то под шестьдесят, когда из-за рассеянного склероза та стала страдать недержанием мочи.

А вот я не страдаю недержанием, черт возьми! Просто вытащите меня отсюда, вытащите, вытащите меня от-сюда. Она шептала эти слова вполголоса, как заклинание, пока позыв не достиг своего пика, а потом медленно, чер-товски медленно снова начал отступать.

Наконец, о блаженство, позыв прошел, и она в изнеможе-нии опустилась на пол, размышляя о том, долго ли можно такое терпеть и когда может лопнуть мочевого пузыря. Меж-ду прочим, бывали случаи, когда люди выживали в пустыне лишь благодаря тому, что пили собственную мочу. «Может быть, взять сейчас и помочиться в свой ботинок?» – пришла ей в голову дикая мысль. Использовать его как горшок. Где на крайний случай будет храниться запас питья. Как долго можно продержаться без воды? Она где-то читала, что без еды человек может обходиться неделями, а без питья не про-живет и нескольких дней.

Стараясь сохранить на качающемся полу устойчивое по-ложение, Эбби сняла правый ботинок, подпрыгнула, на-сколько могла высоко, и что было силы ударила каблуком по панели крыши. Но ничего хорошего из этого не вышло. Кабина лифта лишь страшно качнулась, с грохотом и гулом

стукнулась о стену шахты, и Эбби сразу отбросило в сторону. Она с замиранием сердца ждала, что будет дальше. На этот раз... конечно, на этот раз что-то обязательно случится. Оборвется последняя нить железного троса, на которой она висела над пропастью небытия...

Теперь в отдельные моменты ей даже хотелось, чтобы трос поскорее оборвался. Чтобы эта чертова кабина упала наконец, и плевать, сколько там этажей до самого низа осталось. Все проблемы были бы решены разом. Грубо, конечно, но все-таки хоть какой-то выход из ее положения. Вот было бы забавно.

Словно в ответ на ее мысли внезапно погас свет.

11 сентября 2001 года

Однажды ночью в Колдине, пригороде Брайтона, на улице, где вырос Ронни Уилсон, сгорел дом. Ронни помнил запах, шум, страшное столпотворение, пожарные машины... Стоя в темноте, в халате и тапочках, он смотрел на то, что творится вокруг. Зрелище было завораживающее и вместе с тем страшное. Но больше всего ему запомнился именно запах.

Ужасный смрад, несущий с собой образы смерти и погружающий в жуткое отчаяние.

Вот и сейчас в воздухе стоял тот же запах. Не приятный, душистый аромат древесного дыма, не напоминающий об уютном домашнем тепле запах прогоревшего угля, а отвратительное, едкое зловоние горячей краски, обугливающейся бумаги, пылающей резины и газов, которые испускают плавающийся винил и пластмасса. Удушливый чад, который выедаёт глаза, от которого хочется зажать нос, поскорее вырваться и снова спрятаться в ресторане, откуда он только что вышел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.